

**ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА**

Киселевой Екатерины Вячеславовны на диссертацию Берг Ланы Александровны «Последующая практика применения международных договоров как средство судебного толкования», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)

Актуальность темы диссертационного исследования Ланы Александровны Берг не вызывает сомнений. Как известно, Комиссия международного права ООН (далее КМП ООН, Комиссия) порядка десяти лет рассматривала вопрос, частично пересекающийся с темой представленной диссертации – «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров» (2008-2018 гг.), и хотя вопрос и в формулировке диссертанта, и в формулировке Комиссии опирается на значительный объем положений, ставших международным обычаем, абсолютное согласие между государствами отсутствует, что обуславливает сохраняющееся научное и практическое внимание к теме, подтверждаемое и таким примером: на итоговом обсуждении проекта Комиссии в Шестом комитете Генеральной ассамблеи ООН представитель России, в целом поддержав «рекомендацию Комиссии Генеральной Ассамблее принять к сведению 13 проектов выводов и обратить внимание на них и комментарии к ним», сделала содержательные ремарки по трем конкретным выводам из тринадцати (Док. ООН A/C.6/73/SR.22, п. 38-42). В свете отмеченного раскрытие последующей практики применения международных договоров как средства судебного толкования и особенностей ее использования органами международного правосудия и национальными судами является особенно актуальной научной задачей, имеющей значение для развития науки международного права и соответствующей международно-правовым обязательствам России практики международного сотрудничества нашего государства.

Четко поставленные научные задачи определили следующую структуру работы.

В первой главе автор представила генезис доктрины толкования международных договоров, сочетая формальную разбивку материала на периоды до XX в., первую половину XX в. и современность с более детальной проработкой вопроса в соответствии с хронологическим, а отчасти и формационным подходом к истории международного права с ясным фокусом на своей теме. В первом параграфе диссертант охватила зарождение и развитие подходов к толкованию международных договоров от «мирного соглашения между фараоном Египта Рамсесом II и хеттским царем Хаттусилисом III, датированного 1272 годом до н. э.» (с. 17 диссертации) до рубежа XIX-XX вв., оставаясь преимущественно в парадигме европейских концепций, но используя примеры касательно договоров и с неевропейскими государствами (например, на с. 22 диссертации). Во втором параграфе первой главы представлены как доктринальное развитие темы, особенно в части позитивизма, так и практическая сторона – в части подходов Постоянной палаты третейского суда (далее ППТС; с. 36), Постоянной палаты международного правосудия (далее ППМП; с. 38) к толкованию международных договоров и в части первых попыток официальной кодификации права международных договоров (со с. 39 диссертации) в аспекте толкования. В параграфе 3 автор подробно изложила формирование и содержание современных подходов к толкованию международных договоров, центральным звеном которых являются поясненные на с. 42 диссертации «Венские правила толкования» (подразумевающие статьи 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.), раскрыв в этой связи и основные западные концепции, а также в деталях разобрала отечественные подходы общего и частного характера касательно толкования международных договоров. Очень жаль, что новейший десятилетний труд КМП ООН, такой близкий к теме диссертации тематически, не был рассмотрен автором подробно в этой части (см. с. 58-59 диссертации).

Во второй главе исследования автор уделила пристальное внимание понятию и институциональным особенностям органов международного правосудия (далее ОМП; первый параграф) и основным характеристикам подходов этих органов к толкованию международных договоров (второй параграф). Отмечая многообразие и разнообразие таких органов, связь их деятельности с реализацией основных принципов международного права, соискатель проанализировала имеющиеся определения и классификации органов международного правосудия и предложила собственные (с. 65-66 диссертации), а также остановилась на проблемах пролиферации ОМП и связанных с этим рисков фрагментации международного права (с. 68-69), на кризисных явлениях, затронувших отдельные органы международного правосудия (Европейский суд по правам человека, механизм разрешения споров в рамках ВТО). Выявляя во втором параграфе второй главы основные характеристики подходов органов международного правосудия к толкованию международных договоров, автор разобрала в сравнительном ключе практику Международного Суда ООН (МС ООН), ППМП, а также особенности механизма разрешения споров в рамках ВТО, ЕАЭС касательно общих правил, принципов, средств толкования на широком поле конкретных решений.

В третьей главе диссертант сконцентрировалась на последующей практике применения международных договоров в деятельности органов международного правосудия в целом (первый параграф) и ОМП интеграционных объединений, в частности (второй параграф), исследовала концепцию «права государств-сторон международного договора самостоятельно решать вопрос о применении односторонних мер по обеспечению национальной безопасности на основании соответствующей нормы этого договора» (третий параграф, цитата со с. 148 диссертации) и практику применения международных договоров в деятельности национальных судов (четвертый параграф). Автор скрупулезно подошла к анализу возможного определения, выявления через характерные элементы и обоснования действий и/или бездействий государств в качестве последующей

практики применения международного договора относительно его толкования как основного или дополнительного средства толкования. Соискатель подробно и глубоко соотнесла последующую практику применения международного договора с возможностью или невозможностью вносить такой практикой изменения в договор, особенное внимание уделив подготовительным материалам Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., практике МС ООН, механизма разрешения споров в рамках ВТО (с. 125 и далее диссертации). Толкование международных договоров в правоприменительной практике интеграционных объединений раскрыто на примерах Европейского союза и Евразийского экономического союза в данном разделе диссертации, хотя в иных разделах диссертации есть примеры и более широкого круга объединений (например, НАФТА на с. 112). В последнем параграфе диссертации автор, отталкиваясь о мысли профессора И.И.Лукашука о том, что «практика национальных судов по толкованию международно-правовых норм имеет важное значение для соблюдения государствами своих международно-правовых обязательств» (сноска 323 на с. 160 диссертации), исследует международно-правовые основы и, применительно к РФ, конституционно-правовые ограничения роли последующей практики применения международных договоров в практике судов отдельных государств (в порядке упоминания в тексте: Великобритании, Австралии, России).

Представленное исследование обладает *внутренним единством, материал изложен логично, аргументировано и последовательно.*

В достижении поставленной цели и решении задач исследования, используя значительный массив международно-правового материала, включая широкий круг решений органов международного правосудия и национальных судов по вопросу применения международных договоров, внушительный объем проанализированной отечественной и зарубежной научной литературы по международному праву в части тематики исследования, диссертант приходит к ряду выводов, обладающих особой *научной ценностью.*

Заслуживают поддержки выводы автора, выявляющие и обобщающие критерии органов международного правосудия, позволяющие «определить, является ли конкретное поведение сторон достаточно репрезентативным и согласованным для доказательства общего понимания договора» (с. 136 диссертации). К таким критериям диссертант отнесла последовательность действий сторон, единообразие исполнения обязательств, вовлеченность государств в принятие последующей практики применения международного договора, включая возможность учета молчаливого признания, непрерывность и продолжительность практики, ее соответствие объекту и цели международного договора, в том числе когда согласованная последующая практика применения международного договора может выявить новые цели международного договора (с. 136-138 диссертации).

Заслуживает внимания аспект разделения автором, вслед за соответствующими органами международного правосудия, вопросов толкования и места в нем последующей практики применительно к источникам права различного порядка: международным договорам (учредительным и с третьими государствами), обладающим или не обладающим прямым действием актам международных организаций.

Особенный интерес вызывает авторский анализ включения в международные договоры положений, реализация которых остается на усмотрение договаривающихся сторон, в сопоставлении таких положений с последующей практикой применения договора, которая устанавливает консенсус между сторонами относительно толкования положений договора (с. 154 и далее). Следует приветствовать вывод соискателя о том, что «концепция «self-judgement» и последующая практика применения международных договоров — это два механизма, которые сталкиваются в процессе применения международного права. Хотя они изначально кажутся противоречивыми, в долгосрочной перспективе эти подходы могут взаимодействовать, способствуя формированию общего понимания норм договора» (с. 159).

Сделанные автором выводы отражают *научную новизну* проведенного исследования и *личный вклад диссертанта* в развитие науки международного права.

Вышеуказанное свидетельствует о высокой *степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертационном исследовании, их достоверности и новизне.*

Вместе с тем диссертационное исследование Л.А. Берг, как и любое самостоятельное научное исследование, не лишено недостатков и дискуссионных вопросов.

1. Хотя критерии, которым должна отвечать диссертация на соискание ученой степени кандидата наук, сформулированы применительно к развитию соответствующей отрасли знаний в целом¹, невозможно отрицать особое значение для развития и продвижения именно отечественной науки каждой научно-квалификационной работы уровня кандидатской диссертации. В этой связи вызывает сожаление некоторая противоречивость оценок автором имеющегося вклада отечественных ученых в раскрытие темы и отказ от предложения и/или использования русскоязычных версий обозначения доктринальных аспектов и конкретных судебных решений по исследованной автором теме. По первой части замечания обратим внимание, что утверждение автора на с. 29 диссертации о том, что «[о]течественная доктрина международного права зародилась и получила свое развитие с конца XIX-начала XX веков» премного умаляет значение науки международного права России, раскрытое как классиками истории международного права², так и современными автору учеными³; слова соискателя «[ч]то касается отечественной доктрины толкования международных договоров, то она получила свое развитие с конца

¹ Абзац 2 п. 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года

² См.: Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917). М. : Изд-во АН СССР, 1958.

³ См.: Бекашев К.А., Стародубцев Г.С. История науки международного права // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 6/2015. С. 12-17.

50-х годов XX века» (с. 48 диссертации) противоречат ее же собственному анализу на с. 29-30 диссертации, где дается характеристика взглядам Ф.Ф. Мартенса, Л.А. Камаровского, А.Н. Стоянова, В.А. Уляницкого (в порядке упоминания в работе), опубликованным уже в XX в., если говорить о трудах Л.А. Камаровского и В.А. Уляницкого; жаль, что в части общих вопросов касательно мирного разрешения международных споров и органов международного правосудия не был использован специализированный труд проф. А.Х. Абашидзе и доц. А.М. Солнцева⁴. По второй части замечания представляется упущенной возможностью отказ автора, столь подробно рассмотревшей включение в международные договоры положений, реализация которых остается на усмотрение договаривающихся сторон, от предложения перевода обозначения этой доктрины («self-judgement») на русский язык (сноска 306 на с. 148 диссертации, восьмое вынесенное на защиту положение на с. 11, с. 148-156 диссертации). Неоправданным видится и единообразное приведение автором названий судебных решений различных юрисдикций исключительно на английском языке (кроме постановления Конституционного Суда РФ).

2. Касательно органов международного правосудия, которому автор посвятила первый параграф второй главы, представляется перспективным рассмотреть более детально и всесторонне особенности квазисудебных и судебных учреждений правозащитной тематики. Первые обладают и спецификой в рамках темы исследования (их решения необязательны), обе категории весьма специфичны в плане толкований – влияют ли особенности именно институционального порядка на такую особость, осталось без должного анализа (см. с. 65-66, 177 диссертации). Рассуждения на с. 173-177 диссертации касательно сочетания толкования правозащитными органами последующей практики применения международных договоров и рассмотрения самих

⁴ Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Международное право. Мирное разрешение споров : учебник для вузов. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 221 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-07334-8. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/562143> (дата обращения: 28.04.2025)

толкований этих органов в качестве применения соответствующих договоров затрагивают проблему, нашедшую широкий отклик у государств при обсуждении в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН работы КМП ООН по проекту вывода 13 («Суждения экспертных договорных органов»), где «несколько делегаций подчеркнули, что не сами суждения, а реакция государств участников на них может порождать последующие соглашения или последующую практику»⁵. Другими словами, последующая практика применения международных договоров как средство судебного и квазисудебного толкования правозащитными органами оставляет еще поле для продолжения научных исследований.

3. Последним замечанием обозначим методологический аспект. Во втором параграфе третьей главы автор делает общие выводы касательно интеграционных объединений всего на двух примерах, в последнем параграфе той же главы использованы примеры национальных решений всего трех государств – чем обусловлен столь узкий элемент сравнения? Чем автор может обосновать репрезентативность своей выборки? Ответ на эти вопросы влияет на оценку достоверности и обоснованности сделанных выводов, в прочих отношениях весьма аргументированных.

Указанные замечания носят уточняющий характер, могут быть пояснены в ходе публичной защиты и не влияют на положительную и весьма высокую общую оценку проведенного исследования.

Основные положения и результаты исследования апробированы и отражены в 7 публикациях автора, 4 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Научные публикации Л.А. Берг являются самостоятельными научными исследованиями, которые посвящены проблемам, поднятым в диссертации.

⁵ Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии (2018 год) Подготовленное Секретариатом тематическое резюме обсуждений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее семьдесят третьей сессии. 12 февраля 2019 г. Док. ООН A/CN.4/724. П. 126.

Автореферат диссертации в полной мере отражает содержание работы и соответствует предъявляемым требованиям.

Таким образом, диссертация на тему «Последующая практика применения международных договоров как средство судебного толкования» является самостоятельной, законченной научно-квалификационной работой, обладает научной новизной и актуальностью, содержит решение научной задачи, имеющей теоретическое и практическое значение для развития науки международного права, соответствует требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года, а ее автор – Берг Лана Александровна – заслуживает присуждения степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Официальный оппонент

Доцент кафедры международного права
Юридического института Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования
«Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»,
кандидат юридических наук
(специальность: 12.00.10 –
«Международное право;
Европейское право»),
доцент

Екатерина Вячеславовна Киселева
« 5 » мая 2025 г.

Подпись Е.В.Киселевой удостоверяю.

Ученый секретарь Ученого совета
Юридического института Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования
«Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»

Е.Ю. Комлев